



ТАЙНА БЕЗЫМЁННОГО ОСТРОВА

Научно-фантастический рассказ

Константин Волков

Рисунки А. Иовлева

По бесконечным просторам океана катятся серые холодные волны. Низко нависли густые облака, и сквозь них не проникает ни один солнечный луч. В этот пасмурный день нельзя понять, то ли утро ещё не наступило, то ли вечерний сумрак опускается на землю. Куда ни взглянешь, всюду одно и то же — угрюмый грозный океан. Тоскливое однообразие серой водяной равнины лишь изредка нарушают ледяные горы, голубыми призраками возникающие на горизонте. Они медленно приближаются и величаво плывут мимо корабля, затерянного в высоких широтах Антарктиды. Ветер гудит в снастях и поёт свою унылую песню, не имеющую ни начала, ни конца, как нет конца и края этому необозримому полярному океану.

И всё-таки здесь были люди.

Маленькое судно упорно пробивалось всё дальше и дальше на юг. На борту судна находилась небольшая, но дружная семья советских моряков и учёных. Много месяцев они провели в море, ведя борьбу со стихией и мужественно преодолевая все трудности плавания в южной части Атлантики. Жизнь текла спокойно и размеренно. Каждый делал своё дело так же уверенно, как будто находился на твёрдой земле.

И вдруг установившийся на судне уклад жизни был нарушен.

— Справа по носу земля! — закричал вахтенный.

Люди, бывшие на палубе, бросились к правому борту.

— Чепуха! — авторитетно заявил первый помощник. — Кто у сигнальщиков на вахте?

— Адаменко, — ответил дежурный.

— Тогда всё понятно. Известный выдумщик. Заснул, наверное, ему и почудилось спросонок. Ну, откуда здесь быть земле? До берегов Антарктиды

не менее двух суток хорошего хода. Вздор! Вахтенный просто не разобрался.

— Не говорите, — возразил стоявший рядом второй помощник. — Адаменко бывалый моряк и не первый раз плавает в здешних водах. Да вот глядите сами! — Он передал бинокль.

Сомнений не было. В круглые стёкла далеко на горизонте, именно там, куда указывал вахтенный, виделось маленькое темное-серое пятно.

— Вот так штука! — после недолгого молчания произнёс первый помощник. — В самом деле, земля. Новый остров... Вот находка! Интересно, что думает капитан?

Взглянув на мостик, Александр Петрович Васильев, первый помощник, убедился, что командир корабля не только думал — он уже действовал.

Высокая фигура капитана Ивана Степановича Воронова виднелась у поручней. Длинная каштановая борода развевалась от ветра, а зычный голос разнёсся по всей палубе, хотя слова команды предназначались только рулевому.

— Два румба право! Так держать!

— Иван Степанович, как видно, хочет подойти к берегу ещё засветло, — заметил второй помощник, Николай Васильевич Петровский.

— Сейчас не более четырёх, солнце садится в пять, а до острова всего восемь-десять миль.

Корабль «Академик Павлов» входил в состав научной экспедиции по изучению Антарктиды. Советские моряки продолжали исследования, начатые в 1819—1821 гг. Беллинсгаузеном и Лазаревым.

Плавание «Академика Павлова» продолжалось более года со дня выхода из Ленинградского порта. Судно сейчас крейсировало близ северных берегов Антарктиды, где находилась основная база экспедиции.

«...Обследовать и всесторонне изучить в гидрологическом отношении южную часть Атлантического океана между 60° и 70° южной широты, 20° западной и 26° восточной долготы, считая от Гринвича...» — такую задачу выполнял «Академик Павлов».

Едва лишь вахтенный заметил неведомую землю, как радиостанция уже передала в Москву первые сведения об открытии.

Шёл май месяц. В подмосковных садах расцвела сирень, а в холодных водах южного полярного моря стояла поздняя осень, соответствующая северному ноябрю. Солнце, едва поднявшись над горизонтом, торопливо скрывалось за серой пеленой океана. Сумерки тянулись долго.

Когда до берега осталось не больше двух миль, капитан подал команду убавить ход. Затем был отдан якорь. Члены экипажа высыпали на палубу.

Немного позже других вышел из внутренних помещений корабля и подошёл к борту невысокий, худощавый человек, блондин, с тонким выразительным лицом и большими серыми глазами.

По его неторопливым движениям, по тому, как он остановился поодаль от остальных, не принимая участия в общем разговоре, угадывался человек молчаливый, сосредоточенный, замкнутый в себе.

То был старший научный сотрудник экспедиции, он же корабельный врач — Павел Николаевич Невелев.

Моряком он стал не сразу. Получив диплом врача, Павел Невелев увлёкся работой в небольшой сельской больнице, где-то среди песков Астраханщины, и даже не думал о морях и океанах.

Лечил больных, в свободное время много читал, изучал химию. Этой наукой он увлекался ещё на институтской скамье. «Широко простирает химия руки свои в дела человеческие», — часто повторял Павел Невелев слова великого Ломоносова; он был уверен, что эта наука позволит ему всего лучше познать сложные и таинственные процессы, происходящие в здоровом и больном человеческом организме. Оборудовал себе маленькую лабораторию, учился и работал. Молодой сельский врач написал ряд научных работ, напечатал их в журналах. Затем получил назначение на пловучую базу Каспийского рыболовецкого флота и здесь, в грозах штормов, как будто услышал суровый морской клич.

Павел Николаевич полюбил море и уже не возвращался на астраханский берег. Одарённый молодой учёный нашёл своё место на борту «Академика Павлова».

Невелев долго всматривался в угловатые скалы, крутые обрывы, в зубчатые каменные глыбы.

Остров в широтном направлении имел протяжённость пять-шесть километров. Горная гряда полого спускалась на востоке, а далее снова поднималась, как голова доисторического чудовища, чуть выставляющая из воды и посаженная на короткой и сильной шее. Казалось, оно настороженно прислушивается к скрежету якорных цепей, шипению пара и резким звукам свистка, который трижды прозвучал с «Академика Павлова». Но на гудки никто не отозвался — берег острова был мёртвым. Только птицы носились крикливыми стаями, кружили над кораблём, то спускаясь к самой воде, то стре-

мительно взлетая выше мачты. Павел Невелев узнал среди них синих буревестников, громадных серых альбатросов, гагар и кайр. В бинокль он рассмотрел на берегу и маленьких златоглавых пингвинов.

Пронзительные крики пернатого населения разносились далеко над притихшим океаном.

— Как видно, остров необитаем, — заметил Невелев, опуская бинокль. — Какая прелесть...

— Да, если бы здесь были люди, они уже дали о себе знать, — согласился капитан, но всё-таки приказал повторить гудки и дать ещё два выстрела из корабельной пушки.

— Ну, Павел Николаевич, — сказал он, обращаясь к Невелеву, — нам посчастливилось! Открыли новый остров. Не каждый рейс приносит такую удачу. Воображаю, как вы довольны. При вашей любви к романтике... жажде необычайного...

— Разумеется, лично для меня это большая удача, — согласился Невелев. — А как себя чувствует штурман? Он ведь знаток южных морей!.. И вдруг, пожалуйста, неизвестная земля...

— Сергей Алексеевич просто потрясён. Он не верил своим глазам. Долго протирал стёкла бинокля, потом сорвался с места и полетел в каюту. Перерыл все архивы. Ни на одной из известных карт тут не обозначено ровно ничего.

— Если так, поздравляю вас, Иван Степанович, — и Невелев протянул руку.

— Подождите, ещё рано. Надо хорошенько всё осмотреть, нанести на карту, составить описание, а тогда уже поздравлять. И не одного меня, а всех участников экспедиции.

— Когда вы собираетесь произвести высадку?

— Да чего же долго думать. Филипп Иванович, — добавил капитан и приказал старшему помощнику, — дайте сигнал.

Раздался звонок, и вся команда «Академика Павлова» выстроилась на баке.

Обратившись к морякам, капитан сказал, что для изучения новой земли нужно воспользоваться каждой минутой, что остров неизвестный и поэтому следует послать боевую разведку. Разведке взять с собой фонари. Пока темно — развести на берегу большой костёр и прислушаться, чем живёт, как дышит остров. Вся команда корабля будет наготове... Есть охотники?

Все, кто был в строю, подняли руки.

Капитан улыбнулся.

— Так я и знал! На острове побываем, но не все сразу. Заменить Адаменко!

Как только Адаменко сдал свою вахту, капитан внимательно посмотрел на его подтянутую, молодцеватую фигуру.

— Вы первый обнаружили землю. Объявляю благодарность за хорошую службу. Разрешаю первому сойти на берег.

— Служу советскому народу!

Адаменко вернулся в строй.

— Товарищ Петровский, — продолжал капитан, обращаясь ко второму помощнику, — отберите ещё шесть человек. Примите команду и отправляйтесь.

Через несколько минут моряки во главе с Петровским сели в катер. Заревел мотор, блеснули огни прожекторов, и разведка отчалила.

В бинокль было видно, как моряки высадились на берег. Затем прожекторы погасли.

Настала ночь. В кают-компании и кубриках взволнованные открытием люди не могли уснуть. Ночная тьма окутала остров непроницаемой завесой, разведка долго не давала о себе знать. Только часа через два вспыхнул яркий костёр.

— Ну, вот, — удовлетворённо сказал капитан, — теперь можно и отдохнуть.

Он удалился в каюту. На мостике остался первый помощник, которому предстояло быть на вахте до четырёх часов утра.

Корабль погрузился в сон. Изредка покачивался на волнах, и больше ничего не нарушало его покоя. С острова — ни одного звука. Единственной светлой точкой в непроглядной темноте было пламя костра, и дежурный то и дело бросал взгляды на огонёк, приветливо мерцавший во мраке.

«Ишь, черти, — думал он, — обрадовались небось. Какой-никакой, а берег. Сидят теперь около огня, небылицы всякие рассказывают. Однако, что это? Никак заснули. Костёр-то ведь гаснет!»

В самом деле, яркое прежде пламя заметно ubyло. Сейчас костёр еле теплился, как слабо мерцающая далёкая звёздочка. В бинокль стало видно, что языки огня едва поднимаются над грудой плавника — обычного топлива на морском берегу. Но это никак не свидетельствовало о лени матросов. Наоборот, всмотревшись, первый помощник убедился, что люди вовсе не спали. Чёрные силуэты моряков выделялись достаточно ясно. Они сидели вокруг костра в очень странных позах — все спиной к огню.

— Что такое! — пробормотал дежурный. — Заняли круговую оборону? Остров необитаем, кроме птиц — никого. И вот...

Опершись на борт, он с интересом продолжал наблюдения. На фоне красных отблесков угасающего костра стало видно, как двое из сидевших вдруг поднялись и начали бродить вокруг, по временам останавливаясь и всматриваясь в темноту.

— Вот так здорово! — подумал Александр Петрович. — Никак они чего-то испугались? Надо держаться настороже.

Костёр угас. Казалось, людям на берегу просто не до него. Никто не подбрасывал дров, и скоро вместо пламени осталась груда тлеющих углей. Потом и она погасла.

— Опасности как будто нет, — решил дежурный. — Катер у них наготове... Подожду до смены.

Тем временем начал брезжить рассвет. Никаких сигналов с острова не поступало.

Когда вахта подошла к концу и сменявший дежурного старший помощник появился на мостике, Васильев передал ему всё, что видел. Посоветовавшись, они решили дожидаться утра, чтобы дать команде спокойно провести ночь на корабле.

В семь часов, после подъёма флага, дежурный доложил капитану, что с острова не было никаких тревожных сигналов, и Воронов приказал отправить второй катер на



берег. Следом за ним отошёл и третий, где находился капитан и другие лица командного состава.

— Здорово, приятели! — весело закричал любимец всей команды, разбитной матрос Орлов. — Чего приуныли, темноты, говорят, испугались! Знаем мы вас — ребята храбрые, всемером одного не боятся, — заодно продолжал он.

В обычное время такие слова должны были вызвать ответные реплики. Теперь никто не проронил ни слова. Люди молча сидели на камнях, вокруг погасшего костра. За одну ночь они как-то почернели и осунулись. Бывалые моряки, привыкшие смело глядеть прямо в глаза опасности, сейчас старались смотреть на землю или куда-то вдаль. У всех было совершенно необычное полурастерянное, полусмущённое выражение. Их позы, бессильно опущенные руки свидетельствовали о какой-то непонятной расслабленности. Временами то один, то другой вдруг озирались вокруг и снова торопливо отводили глаза.

Петровский понуро сидел в стороне.

Когда подошёл третий катер, Петровский встал.

— Смирно! — доложил он капитану, — по вашему приказанию отряд в количестве восьми человек провёл ночь на берегу острова. Никаких происшествий не случилось.

— Почему всю ночь не спали? — поздоровавшись, спросил капитан. — Адаменко, что скажешь? Матрос замаялся и задержался с ответом.

— Так, — протянул Воронов. — Красноречивое молчание... Ну, а другие матросы, может, скажут? В чём дело, товарищ Петровский?

Петровский взглянул на Адаменко, тот понял его и тихо проговорил:

— Нехорошо здесь, товарищ капитан, — несмело начал он. — Страх по берегу бродит...

Лёгкий шум пробежал по рядам вновь прибывших.

— Вот так штука. И какой же он из себя?

— Не знаю. — Адаменко опустил глаза. — А только, как стемнело, так страшно стало... Будто в темноте стоит кто-то, глядит, вот-вот бросится... И знаем, что нет ничего, а страшно. Проклятое тут место!

— Ну, а вы что скажете, Николай Васильевич? — обратился капитан к Петровскому.

Тот ответил не сразу.

— Ничего не могу объяснить, — негромко сказал он, подумав. — Ночной мрак действительно производит странное и гнетущее впечатление. Стыдно сознаться... но и мне было страшно этой ночью... Очень страшно... А почему, я просто не знаю... Нервы напряжены до предела...

— У людей странное психическое угнетение, — тихо прошептал Невелев на ухо капитану. — Сейчас мы от них ничего не добьёмся. Пусть вернутся на корабль, они же не спали всю ночь. Отдохнут, потом разберёмся...

Воронов кивнул головой.

— Адаменко, — скомандовал он, — ведите людей на корабль!

— Разрешите и мне удалиться, — попросил Петровский.

— Конечно, Николай Васильевич, конечно!

Медленно, словно нехотя, участники первого отряда побрели к катеру.

— Им бы на печку, — пустил кто-то вслед уходящим крепкое матросское словцо.

— Ты, друг, не ругайся, — тихо произнёс Адаменко, — а сперва разберись, в чём дело. Завтра я погляжу, каким ты сам героем вернёшься, — загадочно добавил он, ступая на борт катера.

— Да уж будьте покойны, не такой мокрой курицей, как ты, — огрызнулся моряк. — Советский матрос ни бога, ни чёрта бояться не должен.

— Так, так, ребята. Правильно. Завтра поговорим, — донеслось с уходящего катера.

Капитан Воронов, его первый помощник Васильев, корабельный врач Невелев и штурман Семёнов принялись осматривать остров. Унылая полярная природа, чахлые кустарники, мхи и камнеломки. Одни лишь голые скалы, заселённые птицами. Бесчисленные гнёзда держались на самых отвесных склонах. Изъеденные ветрами камни вершины окружали воронкообразное углубление, со дна которого поднимались лёгкие испарения.

— Так я и думал, — удовлетворённо сказал Невелев, когда путешественники достигли наивысшей точки. — Разумеется, это вулкан. Вполне возможно, что остров возник много времени спустя после появления здесь первых русских мореплавателей. Поэтому он и не указан на карте.

— Иначе и быть не может, — отозвался штурман, — если острова нет на многих картах...

Все рассмеялись.

— Ну, а что вы думаете насчёт страха, который бродит тут по ночам? — спросил Воронов.

— Давно ломаю голову. Быть может, чисто внешние впечатления... Пустынный океан. Холодные угрюмые скалы. Острое чувство одиночества. Ночной мрак и унылый вой ветра нагоняют тоску и страх.

— Да, — вздохнул капитан. — На людей было страшно смотреть.

— Поглядим, как поведёт себя второй отряд, — добавил Невелев. — Если повторится то же самое — дело серьёзное.

Отряд, которым командовал старший помощник Попов, внимательно осмотрел местность. Ничего подозрительного не оказалось. Среди голых камней явно не могли скрываться опасные чудовища. Пещер или расщелин между утёсами не было. И если сначала люди оказались под впечатлением странного вида и загадочных замечаний участников первой группы, то к полудню эти настроения рассеялись вместе с ключьями лёгкого утреннего тумана, поднявшимися к небу.

Ещё засветло, закончив съёмку, матросы натаскали морской травы, разожгли костёр и соорудили вокруг огня удобные постели. Было решено, что второй отряд переночует на берегу и выяснит причины беспокойства прошлой ночи.

— Мы не испугаемся, как вчерашние герои, — смеялись моряки. — Были бы голова да руки, а мы тут прямо дом отдыха соорудим. Светло, тепло, уютно. Лежи себе, полеживай, а караулить по очереди — вот и порядок будет. По двое на посту, остальным спать. Сам чёрт нам не брат!

Ещё долго в сумраке вечера слышались весёлые матросские шутки, песни и хохот.

А участники первого отряда, вернувшись на корабль, упорно отказывались что-либо рассказать о прошлой ночи.

(Окончание в следующем номере).

ТАЙНА БЕЗЫМЕННОГО ОСТРОВА

Научно-фантастический рассказ *

Константин Волков

Рисунки А. Иовлева

Капитан Воронов в этот вечер долго не сходил с мостика, хотя Невелев уже принял вахту. До полуночи доносились с острова весёлые матросские шутки. Было необыкновенно тихо. Моряки разожгли огромную кучу плавника, и от костра к кораблю пролегла чёткая золотистая дорожка. В морской бинокль было хорошо видно, как люди удобно расположились на мягких водорослях; двое часовых разговаривали между собой.

— Как вы думаете, Павел Николаевич, — спросил капитан, — спокойно ли пройдёт эта ночь?

Невелев не спешил с ответом. Он подумал, опустил бинокль и негромко сказал:

— Нет, Иван Степанович. Не такой человек Адаменко и не таковы остальные матросы из первого отряда, чтобы нервничать без причины. Притом с ними был Петровский — образованный и, бесспорно, храбрый человек, но и он...

— Почему они ничего не говорят?

— Они, очевидно, сами не знают. Я тоже со страхом глядел на эти скалы.

— А что в них особенного?

— Что-то есть... И хочется раскрыть эту тайну. Смотрите, костёр гаснет!..

Действительно, яркое пламя стало заметно слабеть, шум и смех на берегу прекратились, теперь в бинокль было видно, что и люди, лежавшие вокруг костра, не только не заснули, но наоборот, сидели точь в точь, как матросы первого отряда.

Старший помощник, выделявшийся среди других своей массивной фигурой в длинной шинели, напряжённо вглядывался куда-то вправо.

— Что за история! Опять круговая оборона, — пробормотал капитан.

— Да, люди чем-то испуганы...

— Но ведь никакой опасности. Остров необитаем. Днём осматривали...

Капитан и врач не отрывали от глаз биноклей, пока не потухло пламя. Они долго стояли молча, о чём-то думали, всматриваясь в багрянец едва тлеющего костра на берегу острова.

Потом капитан сошёл с мостика, за ним спустился и врач. На место Невелева стал кто-то из офицеров — как будто бы знал, что перед рассветом



Воронов с врачом отправятся на остров. Адаменко и несколько матросов стояли наготове, чтобы было задержки с катером.

И когда они вышли на берег, люди второго ряда сидели дрожа, как от зимней стужи, и прижимаясь друг к другу. В их глазах — непонятный ужас, бескровные губы почти не выделялись бледных, похудевших лицах. Моряки ни на кого хотели глядеть и, ни слова не произнося, пону потащились к катеру.

Старший помощник капитана Филипп Иванов Попов старался ничем не выдать своего состояния синие круги под глазами и странно посеребрившее лицо говорили о многом.

Капитан отозвал его в сторону.

— Филипп Иванович, объясните, что тут происходит?

Глядя куда-то в сторону и медленно подбирая слова, старший помощник сказал, что он ничего не мог понять, ничего не мог объяснить. Ему действительно было страшно, а отчего — неизвестно. Тут нет никаких призраков, чудовищных образ порождённых галлюцинациями... Ничего нет... вот, страшно...

— Странно, — протянул Невелев, когда старший помощник торопливо пошёл к катеру, где уже сидели матросы. — А знаете что, Иван Степанович, неожиданно обратился он к капитану, — разрешите мне с Адаменко пройти, по острову... Может, потихоньку мы и разберёмся. Будьте спокойны, нам ничего не угрожает...

Капитан согласился. Невелев начал с того, что подошёл к месту, где разжигали костёр, сел на скамью и долго рассматривал береговые скалы в морской бинокль. Адаменко сидел рядом.

Наконец, Невелев вздохнул, взглянув на Адаменко, и встал:

— Ну, друг, сидя на месте, много не сделаешь. Пойдём, поглядим, может, что и разыщем.

* Окончание. Начало см. в «Пионерин» № 10, 1956 г.

— Не думаю,— усомнился Адаменко,— ведь сначала мы здесь допоздна ходили, а вчера второй отряд целый день тут рыскал. Каждую щёлку, небось, осмотрели.

Невелев улыбнулся.

— Они больше по сторонам да вверх глядели, а мы под ноги смотреть будем. Читал ведь, как опытные разведчики поступают, а у нас с тобой задача не легче.

И они потихоньку пошли вдоль берега — Невелев впереди, Адаменко нехотя брёл позади, часто поглядывая в бинокль.

Было холодно, с неба сыпал мелкий снег, пронизывающий ветер налетал порывами. Идти стало трудно, потому что ноги скользили по замшелым мокрым камням.

Невелев устал скорее Адаменко и шёл спотыкаясь и даже падая. Вдруг Невелев упал на крутом склоне, но не скатился, а ухватился рукой за острый край камня, наполовину отделённого от скалы. И едва успел подняться, как этот осколок покотился вниз. Врач вскрикнул от изумления.

— Адаменко, гляди сюда!

В щели, куда скатился камень, лежала кукла. Самая обыкновенная маленькая детская кукла с фарфоровой головкой. Она, безусловно, пролежала здесь много лет, потому что платье совершенно сгнило, краски на лице потемнели.

Невелев и Адаменко молча смотрели друг на друга.

— Вот так находка,— сказал, наконец, Невелев.— Оказывается, тут есть что искать.

Матрос кивнул головой, соглашаясь. Он теперь стал внимательнее присматриваться ко всему. Вскоре он закричал:

— Нашёл! Нашёл!

На узком выступе скалы валялся кованый железный гвоздь, весь изъеденный ржавчиной.

— Да-а,— задумчиво произнёс Невелев,— здесь были люди. Но для чего этот гвоздь оказался тут, где он совсем не нужен?

В этот миг его взгляд упал на почти отвесную плоскость утёса. Мелькнула догадка, и врач разорвал на камне бурое покрывало моха.

Адаменко даже свистнул от изумления. На серой скале он увидел почти стёртую от времени выдолбленную надпись. Можно было прочесть два слова: «Павел», «Ната». Глаза Невелева блеснули. Отойдя на два шага, он передвинул на ремне свой неизменный «ФЭД».

— Так,— сказал врач, — та-ак, дружище, — с удовлетворением повторил он, когда находка была запечатлена на плёнке.— Теперь пойдём искать, где жили люди. Раз у них было время долбить на камне имена, значит, поблизости и дом себе построили.

Окрылённые этим первым успехом, исследователи продолжали поиски. Осторожно пробираясь между скал, побелевших от снега, Невелев и Адаменко прошли ещё около двух километров и достигли места, где скалистый гребень опускался почти до воды перед тем, как снова подняться в восточной оконечности безымянного острова. Здесь и нашли они, что искали.

Невысоко над морем, среди скал, защищавших от ветра, на небольшой ровной площадке, стояло полуразрушенное жилище, напоминающее стоян-

ку доисторического человека. Неудивительно, что моряки не заметили его раньше. Издали нельзя было отличить покрытую снегом хижину от окружающих её скал.

С волнением приблизились исследователи к покинутому жилищу. Две стороны создала сама природа, третью соорудили люди из толстых, неотёсанных брёвен, принесённых морем и поставленные стоймя. Наваленные сверху брёвна, засыпанные песком и крупными камнями, образовали крышу. Перекошенная дверь поражала своей непомерной толщиной. С большим трудом удалось её открыть. Запахло цвелью. Когда глаза привыкли к полумраку, стало видно, что толстый слой пыли покрывал примитивный стол и скамью при нём. Грубо сколоченные нары, сложенные из брёвен, так же, как и стены, поросли мохом. Пауки завесили хижину сплошной сетью паутины. Противный шорох потревоженных насекомых слышался со всех сторон.

Кто были обитатели дома, какая судьба их постигла — об этом думали моряки, внимательно осматривая хижину. Они были крайне удивлены, обнаружив здесь внутреннее хранилище. Это был ящик в столе, примитивный, но надёжно сделанный. Дерево разбухло от сырости, и выдвинуть ящик не удалось. Тогда Невелев оторвал столешницу. В ящике оказался небольшой свёрток, завернутый в клеёнку. Павел Николаевич медленно и осторожно развернул находку. Внутри лежала толстая тетрадь, прежде имевшая твёрдую картонную обложку. За много лет она отсырела, страницы частью склеились, частью рассыпались в прах. Записи, сделанные бледными, водянистыми чернилами, успели выцвести, но кое-что сохранилось.

Советский научный работник с глубоким волнением читал грустную летопись событий, разыгравшихся много лет назад. Постепенно возникала из небытия небольшая, но трагическая история двух русских, по воле случая оказавшихся здесь, на клочке суши среди холодного океана.

«...октября 1895 года... шхуна «Святая Параскева»... командой капитана Сергея Медведева покинула Санкт-Петербург, приняв груз торгового дома «Патрикеев и сыновья» для доставки... порт Рио де... 15000 пудов льна и 1000 бочек смолы... команда 15 человек... борту находилась 12-летняя Ната... капитана, кроме... приказчик Павел Смирнов...»

Далее следовала целая пачка совершенно слипшихся листков, очевидно, содержавших описание плавания через Балтику и Северное море:

«...прибыли Плимут, пять матросов ушли... нанять трёх ирландцев...»

Из отдельных слов, которые удалось прочесть на следующих страницах, Невелев понял, что шхуна благополучно достигла берегов Бразилии, а там сбежали ещё два русских матроса и один ирландец. Повидимому, капитан Медведев был волевой человек, но груб и придирчив. Его обращение с командой могли перенести немногие. Даже присутствие на борту родной дочери, очевидно, не влияло на крутой нрав командира. Шхуну «Святая Параскева» он привёл в Рио-де-Жанейро, вместе со льна и смолы взял большую партию шерсти, а также кофе и какао и направился обратно.

Несчастье обрушилось на судно через неделю после выхода в открытое море. Экипаж насчитывал половину должного состава, и когда налетел шторм, некому было выполнять команду.

Шхуну с искромсанной грот-мачтой подхватил ураган и помчал её по волнам разъярённого океана. Иссяк запас питьевой воды, начался голод, и капитан погиб при неизвестных обстоятельствах. Часть экипажа попыталась спастись на шлюпке. Но приказчик, не желавший бросить доверенный ему груз, оставался на шхуне до конца. Он писал:

«...17 апреля 1896 года. Вчера все и... на шлюпку... достигнуть берегов Огненной Земли. На... я... Павел Смирнов, капитанова дочка Наташа... пока судно не затонет...»

Дальше в тетрадке можно было прочитать, что шхуна без руля и ветрил блуждала ещё девять дней, пока её не выбросило на рифы близ неизвестного острова.

«...Мы на твёрдой земле. Судно разбило о камни. Выбрались на берег. Здесь есть вода и очень много птиц. Значит будем жить...»

Последующие записи велись ежедневно, потом начались перерывы, достигавшие до двух недель и месяца. Невелев быстро перелистывал страницы, повествующие о постройке хижины, скудных условиях жизни, о надеждах на то, что на горизонте вдруг появится какой-нибудь корабль... Внимание молодого учёного привлекла следующая запись:

«...июня 1896 года. Наступила зима, воеет пурга, но у нас есть дрова, вода и пища. Настроение бодрое. Наташа весела и играет со своей куклой, которую сохранила во время крушения. Мы верим, что скоро придёт весна и на горизонте парус... сумел установить, где мы находимся: 64,33 южной широты и 2,43 западной долготы от Гринвича...»

«...31 января 1897 года... .Лето. Тёплая погода, но последняя надежда оставляет нас... невыносимо по вечерам и ночью... кажется, мы сходим с ума... каждую ночь, едва спускается тьма... ужас, без слёз нельзя смотреть на девочку... уже в сумерки она начинает плакать. Прижимается ко мне и говорит, что ей страшно... Мне тоже страшно... Над этим проклятым местом царит ужас. Долго нам не выдержать...»

«...апреля... На южном берегу можно построить лучшее жилище. Пойдём туда. Погода хорошая, ветра нет, самое уходить...»

На этом записи прерывались. Дальше оставались чистые страницы, но Павлу Смирнову было не до дневника. Смирнов дорожил им, о чём говорила заботливая клеёнчатая обложка.

— Ну, что ты скажешь, друг? — спросил Невелев, закончив чтение.

Старшина вздохнул.

— Надо их найти. Может, на южном берегу.

— Их уже нет... С тех пор прошло 57 лет. Бедная девочка, потерявшая куклу, была бы уже старухой. А Смирнов... Подумай сам: страшно им было прожить одно лето, а сколько таких лет прошло... Нет, в живых остаться они не могли. Но в чём же заключается тайна? Что будем делать?

— Надо доложить капитану. Завтра попробуем обыскать весь южный берег.

— А нынче уже поздно?

— Уже около пяти. Дотемна нам бы только вернуться.

— Здесь ночевать не хочешь?

Адаменко смущённо улыбнулся.

— Ну, ладно. Не станем испытывать нервы. Пойдём назад.

Рассказ Невелева и Адаменко вызвал общий интерес. Капитан принял решение задержаться у острова ещё на сутки, чтобы закончить съёмку и продолжить поиски на южном берегу. Воронов сам повёл отряд разведчиков.

Погода была плохая. Снова шёл снег и дул резкий ветер. Небо закрывали густые тучи.

У полуразрушенной хижины возникли споры, как лучше перейти на южную сторону хребта.

Спор разрешил Невелев:

— Давайте пойдём тем путём, который избрали обитатели этого жилища. Они покидали берег, с которого могли увидеть корабль, и шли на юг, зная, что оттуда ничего не увидят...

— Правильно говорите, доктор, — капитан сразу понял Невелева и присоединился к его мнению. — Идёмте по северному склону.

Невелев всё рвался вперёд, за ним едва поспевал капитан, Адаменко и другие моряки. Вершина перевала была уже совсем близко, когда он остановился и снял фуражку.

— Вот они, — негромко сказал врач, когда все подошли.

Два черепа, кости на камнях, с которых ветер сдувает не только снег, но и мельчайшие песчинки — вот что увидели моряки.

Они застыли в молчании.

— В тот день было ясно и тихо, — вслух думал Невелев. — Быть может, если бы дул ветер и шёл дождь, эти люди остались бы живы...

— Сюда они вышли, — произнёс капитан, — чтобы в последний раз взглянуть, не белеет ли в море парус долгожданного корабля... А в ясный день видно далеко...

— Да, капитан, но я думаю ещё и о другом. — Невелев взял Воронова за локоть. — Видите? Адаменко от волнения хочет закурить. Трёт спички, а они гаснут даже под надёжной защитой шинели. Гаснут не от ветра. Приятель, — обратился он к моряку, — хотите закурить, сойдите с этого места. Вот она, тайна!

Врач указал на чуть прикрытую мохом трещину, откуда выделялся газ. Он-то и мешал Адаменко зажечь папиросу. Не будь ветра — морякам пришлось бы испытать немало неприятностей. Газ ядовит.

— На себе вы испытали, как это вещество, с удельным весом тяжелее воздуха, действует на человеческую психику. — Врач снова посмотрел на Адаменко. — В тихие ночи газ стекает вниз по склону и создаёт на берегу опасную концентрацию. Когда же наступит день и воздух согревается или поднимается ветер, ядовитое действие прекращается. Причина ночных страхов стала мне понятна, когда в руках оказался дневник Павла Смирнова. На душе у него и у Наташи было сравнительно легко зимой, когда выла пурга. Ветер разгонял яд. А вот в прекрасный летний день...

— Что же это за газ? — спросил Адаменко.

— Об этом узнаем завтра, — ответил Невелев. — Но уже можно думать, что в большой дозе он смертелен, в малой концентрации способен угнетать человека, возбуждать в нём чувство страха. Здесь мне придётся поработать, как химику — произвести



— Вот они,— негромко сказал врач, когда все подошли.

анализ взятых проб газа. Хорошо, что на корабле имеется лаборатория.

— Тайна безымянного острова разгадана. Сложим из камней могилу на этом месте...

Люди дружно принялись за дело. Когда всё было сделано, они двинулись вслед за капитаном на самую высокую точку горного хребта и здесь подняли алый флаг Страны Советов.

На следующее утро «Академик Павлов» взял курс на север.

Капитан Воронов стоял на мостике и смотрел, как в серой дали океана медленно скрываются очертания острова, только теперь нанесённого на карту.

Сзади послышались шаги. Иван Степанович обернулся. Это был Невелев.

— Ну, что показали анализы? — спросил капитан. — Какой это газ?

— Представьте, Иван Степанович, это совсем простое вещество — четвёртый окисел углерода. В справочниках по химии он не обозначен, однако существует. Теперь я в этом убедился.

— Четвёртый окисел?

— Именно. Первые два широко известны. Это углекислый газ, состоящий из одного атома углерода и двух атомов кислорода, и окисел углерода — чад... Обратите внимание, чем меньше часть кислорода в веществе, тем ооновреднее для человека. Наука знает и третий окисел, добытый в лабораториях, — так называемая закись углерода. А вот газ, что выделяется на оострове, сложнее: на пять атомов углерода приходится три атома кислорода. Как он действует на человека — вы видели.

— Остров вулканического происхождения, бавил капитан.

— А там,— подхватил врач, — в недрах земли происходят процессы, связанные с образованием различных окислов. Я думаю, что специальная гидрогеологическая разведка найдёт здесь много интересного...

Воронов задумался:

— Никак не пойму, отчего людям страшно...

— Трудно что-то утверждать определённо. Но врачам давно известны заболевания, при которых чувство страха является своеобразной реакцией организма. Возьмите грудную жабу. Нарушена нормальная деятельность сердца — и больной вдруг испытывает страх. Микроскопический кристаллик хинина, попавший на язык, немедленно вызывает тревожное чувство горького вкуса. Газ, который выделяется на оострове, воздействует прямо на центральную нервную систему. Вот и всё.

Остров совсем скрылся из вида. Капитан вопросительно посмотрел на врача.

— Вы довольны?

— Конечно,— ответил Невелев.— Разве не интересно познавать ещё не раскрытые тайны природы?! Ради этого стоит ехать в далёкие края, подниматься в заоблачные выси, опускаться на дно морское, проникать в глубины земли... Назовём этот остров именем великого русского физиолога,— горячо предложил Невелев.— Ведь тайна заключалась в действии ядовитых испарений на нервную систему человека, изучению которой академик Павлов посвятил свою жизнь.

Так появился на картах мира остров академика Павлова — новый участок русской земли, затерянный в суровом полярном океане.